

ГРИША ГОРБАЧЕВ

Источник текста: Писатели чеховской поры: Избранные произведения писателей 80--90-х годов: В 2-х т.-- М., Худож. лит., 1982. Т. 1. Вступит. статья, сост. и коммент. С. В. Букчина.

OCR Бычков М. Н.

I

Это было в июне 1868 года.

Гриша сидел в своей комнате, увешанной стеклянными ящиками с мотыльками, книжными полками, горкой с минералами и украшенной лошадиным черепом, и читал, при открытом окне, историю философии Льюиса¹.

Он недавно окончил гимназию, и ему хотелось поступить на естественный факультет. Гриша мечтал о славе натуралиста, презирал стихи, полагая, что он уж вышел из детского возраста, когда только и можно заниматься такими пустяками, и следил за внутренней политикой.

В семье Гришу считали умницей; мать советовалась с ним, что делать против зубной боли и ломоты в ногах; отец находил, что он чересчур предается чтению, и по временам спорил с сыном, чтоб убедиться, насколько Гриша образованнее его; сестры с благоговением посматривали на лошадиный череп, белая поверхность которого была вся расписана таинственными латинскими названиями, вроде: *os frontis, processus mastoideus* {лобная кость, сосцевидный отросток (*лат.*).} и проч.

Гриша был так серьезен, что не признавал танцев. Он смеялся даже над любовью. Последнее мать ставила ему в большую заслугу. Она хотела, чтоб из ее сына вышел профессор; отцу приятнее было бы, если бы Гриша стал со временем министром.

Гриша был высокий юноша с бледно-смуглым лицом и темными курчавыми волосами. Он слегка занимался своею наружностью, конечно, не для того, чтобы влюбить в себя Настеньку Тонкову или Верочку Звереву, но потому, что некоторая предумышленная растрепанность прически и некоторая живописная небрежность костюма придавали его внешности научный вид.

Пока Гриша читал Льюиса, все более проникаясь презрением к метафизике, в соседней комнате семнадцатилетняя сестра его, Катя, играла в четыре руки со своим женихом, Мишей Подгоровым. Потом она стала петь, а Миша подтягивал ей баском. День склонялся к вечеру.

Младшие члены семьи бегали на дворе перед окном натуралиста и, под предводительством стриженного под гребенку Александра, брали приступом, с криками "ура", погреб. Забравшись на ветхую крышу, там и сям обросшую зеленым мохом, Александр махал жестяною саблей и победоносно водружал в щели драничек черно-желтое знамя. Много раз брал он крепость, кричал, свирепел и тумками водворял дисциплину среди войска.

В калитку вошел Ардальон Петрович Селезнев в щегольском сером пиджачке, в цилиндре и палевых перчатках. Ему уже было лет под сорок. Это был хозяин большого бакалейного магазина, образованный купец, искавший в общении с молодыми интеллигентными людьми пищи для ума. С Гришей он познакомился на охоте, проникся особенным уважением к его познаниям и ждал, что юноша разрешит ему какие-то проклятые вопросы. Проклятые вопросы мешали даже процветанию торговли Ардальона Петровича. Дела его шли скверно, и, кстати, весной он овдовел. Даже домашнее хозяйство его пришло в упадок.

-- Горбачев, здравствуйте! Что вы читаете? А, бытие равно небытию! Бросьте!.. Я пришел к вам по хорошему делу.

-- Войдите!

-- Нет, я постою здесь. Несколько слов... К черту философию!

-- Льюис доказывает тщетность умозрительного метода и бесполезность трансцендентных силлогизмов,-- заметил Гриша.

-- Ей-богу, натошак не выговорю! Дадите потом почитать? Я люблю иногда занестись в облака... У меня теперь такая книга, такая книга!.. Милочка, Горбачев, я женюсь!

-- Поздравляю вас. Популярная книга.

Селезнев рассмеялся.